

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА»

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

*Архивные материалы
и исследования*

МОСКВА
«Русские словари»
1999

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА СО СВЯЩЕННИКОМ ПАВЛОМ ФЛОРЕНСКИМ*

О. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ — В. И. ИВАНОВ И ЕГО СЕМЬЯ ПЕРЕПИСКА (О СИМВОЛИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ, МИФЕ И ДОГМАТЕ)

История знакомства Вяч. Иванова и о. П. Флоренского насчитывает два, а то и три десятилетия. Первая встреча произошла в 1904 г., но тесным общением стало, кажется, только после переезда Вяч. Иванова в Москву в 1913 г. В первых числах января 1914 г. появляется долгожданная «сумма» религиозно-философской мысли о. Павла — «*Столп и утверждение Истины*»; книгу вслух читает вся семья Иванова — жена Вера Константиновна, дочь Лидия и сам Вячеслав. В феврале в Московском религиозно-философском обществе кн. Е. Н. Трубецкой полемизирует с идеей антиномизма «*Столпа*»; в последующей дискуссии против Трубецкого и за о. Павла выступают Вяч. Иванов и С. Булгаков. Вяч. Иванов едет и на магистерский диспут Флоренского в Московскую духовную академию (на диспуте о. Павел защищает одну из редакций «*Столпа*»), сразу после защиты Флоренский проводит несколько дней на квартире Вяч. Иванова на Зубовском бульваре, 25. Снимавший часть квартиры философ В. Ф. Эрн — близкий друг как Флоренского, так и Вяч. Иванова, — в эти дни изменяет привычке регулярно слать своей жене письма и оправдывается: «Три дня не писал тебе и сейчас пишу лишь открытку. Причина — необыкновенная «густота» последних дней. <...> Мое спасение, что днем они с Вячеславом спят, а ночью я с ними сижу лишь до 1 — до 2-х, они же сидят каждый день до 7 — до 8!!»¹

Одним из отголосков религиозно-философских бесед этого времени было посвящение в следующем 1915 г. Флоренским Вяч. Иванову своего экзегетического этюда, где о. Павел толковал неясную строфу из Послания апостола Павла к Филиппийцам (см. письмо № 7 и примечания к нему). В том же 1915 г. Вяч. Иванов завершил первые три части поэмы «Человек». Флоренский сам предложил написать к поэме комментарии, но медлил с ними. Без разъяснений Флоренского Вяч. Иванов публиковать свою поэму уже не мыслил, и, хотя текст ее к тому времени дошел до корректуры, издание было остановлено. «Из-за этого уже набранные стихи эти были приостановлены к печати и до сих пор только в рукописях моих», — говорил Вяч. Иванов Альтману 9 февраля 1921, а позднее, еще подробнее — Ольге Дешарт (см. письмо № 7, прим. 31). В публикуемых письмах Вяч. Иванов трижды напоминает о. Павлу о его обещании написать примечания для поэмы: ведь «весь материал мысли и знания, потребный для углубления намеченных тем, — в наличии и избытке у творца творимой «Антроподицей» (Письмо 7).

* © Архив священника Павла Флоренского. Римский архив Вячеслава Иванова. Публикация игумена Андроника (А. С. Трубочева), Д. В. Иванова, А. Б. Шишкина.

Вступительная статья А. Б. Шишкина. Примечания А. Б. Шишкина и игумена Андроника.

¹ Цит. по: А. Шишкин. О границах искусства у Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского. // Вестник РХД, 1990. № 160. С. 125.

В 1924 г., перед тем как окончательно покинуть Советскую Россию, Вяч. Иванов специально заехал из Москвы в Сергиев Посад к о. Павлу. «Помню, что он <Вяч. Иванов> вернулся очень удовлетворенный значительностью состоявшейся беседы, особенно просветленный и сосредоточенный», — вспоминал В. А. Мануйлов. Экземпляр «*Столпа и утверждения Истины*» с читательскими пометами был среди немногих книг, взятых Вяч. Ивановым с собой в Рим. Прямые контакты после отъезда Вяч. Иванова оборвались, хотя в конце 20-х гг. имя Флоренского изредка долетало в Рим — через близкого друга Вяч. Иванова Сергея Троцкого. Все же, по семейному преданию, Флоренский был одним из тех, с кем в римском изгнании Вяч. Иванова связывала незримая духовная близость.

В 1935 г. из Соловецкого лагеря Флоренский пишет дочери, уделяя драгоценное для заключенного пространство письма характеристике типа творческой личности Вяч. Иванова² (цит. по Л. Иванова. Воспоминания, с. 358)

Такова внешняя канва отношений двух протагонистов русского религиозного возрождения.

Возможно ли от этой внешней событийной канвы перейти к вопросу о более глубоко, внутреннем смысле отношений Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского? С одной стороны, перед нами Вяч. Иванов, — один из создателей канона русского религиозного символизма, с другой, — Флоренский, человек большого духовного опыта, мыслитель, богослов, философ, искусствовед, математик и геолог. В 1921 г. в записках о своей жизни о. Павел признавался, что скрытой сердцевиной его практических и теоретических исследований едва ли не всегда являлся вопрос о символе: «Всю свою жизнь я думал в сущности об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это — вопрос о символе. И всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме СИМВОЛА

<...> И я всегда был символистом.

(Флоренский. *Детям моим. Воспоминанья... М., 1992, с. 153, 154*).

Замечательно, что в одном из писем Вяч. Иванов пишет о «задушевной близости и единстве во многих вещах» с Флоренским. (Эти слова соответствуют употребленному в письме греческому слову «филия» — см. прим. 32 к письму 7.) «Единство во многих вещах» не исключало разногласий по другим — в этой связи стоит оценить проду-

² «...Ты спрашивала меня о поэме Белого «Свидания»: я не читал ее и даже не видел, так что сказать ничего не могу. Теперь о Вяч. Иванове. Под гениальностью, в отличие от талантливости, я разумею способность видеть мир по-новому и воплощать свои совершенно новые аспекты мира. Талантливость же есть способность работать по открытым гением аспектам и применять их. В жизни я встретил три человека, за которыми признал гениальность: Розанов, Белый, Вяч. Иванов. Гениальность есть особое качество, она может быть большой и малой, равно как и талантливость. Не берусь судить, насколько велика гениальность этих людей, но знаю, что у них было это особое качество, но Андрей Белый был совсем не талантлив, Розанов — мало талантлив, а В. Иванов обладал, при гениальности меньшей, большей талантливостью. Он сумел проникнуть изнутри в эллинизм и сделать его своим достоянием. Его познания очень значительны, и потому он — поэт для немногих и всегда будет таковым: чтобы понимать его — надо много знать, ибо его поэзия есть вместе с тем и философия. — Нет места писать больше<...>» (Из письма к О. П. Флоренской от 1-3 авг. 1935. Цит. по: Шишкин А. О границах искусства у Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского. // Вестник РХД. 1900. № 160. С. 134-135).

манные Вяч. Ивановым смысловые оттенки в письме 9: «На путях духа мы ныне скорее сближаемся, чем расходимся, — как, признаюсь, мне порою казалось». Об одном из своих расхождений с Флоренским Вяч. Иванов однажды счел необходимым печатно заявить³.

Итак, мы способны догадываться о глубине диалога. Можем ли мы сделать следующий шаг: представить себе его развитие и содержание? К сожалению, известные на сегодняшний день свидетельства разрозненны и неполны — в том числе и публикуемые в этой книге. Но они косвенно указывают на некоторые темы, вокруг которых развивались беседы Флоренского и Вяч. Иванова, обмен жизненными впечатлениями, учеными выписками и справками. Вот некоторые из этих тем.

О реалистическом искусстве символизма и церковном догмате единосущия. В статьях Вяч. Иванова 1900-х — 1910-х гг. различным образом обосновывается искусство реалистического символизма (в противоположность «идеалистическому символизму»). Одна из формулировок Вяч. Иванова 1908 г. — «мы защищаем реализм в искусстве, понимая под ним принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем» — показывает близость к системе мысли о. Павла: *явление* может соответствовать здесь *феноменальному*, а *существо* — *ноуменальному* цитированных выше слов Флоренского 1921 г.

В январе 1921 г. Вяч. Иванов находит новую формулировку сути искусства реалистического символизма в свободной беседе со своим бакинским студентом М. Альтманом, обращаясь к той главе «*Столп и утверждения Истины*», где Флоренский излагает никейский спор о единосущии или единоподобии Христа и Бога Отца. Богословское понятие о. Павла затем превращается во всеобъемлющую категорию философского понимания, в норму христианской мысли (это расширение понятия единосущия, по Л. Зандеру, было своеобразным завещанием Флоренского русской философии, которому последовал позднее о. С. Булгаков). На вопрос Альтмана о том, что есть истинный реализм (и соответственно искусство реализма, противопоставленное иллюзионистическому романтическому искусству), Вяч. Иванов отвечает своеобразной притчей о слове — имени — символе, ее скрытым двигателем оказывается при этом один из первопринципов мысли Флоренского. Вот что сказал Вяч. Иванов Альтману на вопрос о реализме и романтизме (отметим и те высокие эпитеты, которыми сопровождено имя о. Павла у Вяч. Иванова):

А вот <...> один из глубочайших наших современников, гениальный Флоренский, исходя из совершенно других принципов и разрешая совершенно другие вопросы, не проливает ли свет и на наш вопрос? В «*Столпе и утверждении Истины*» Флоренский рассказывает, как на «Вселенском Никейском» соборе был великий спор, есть ли Христос <...> едино- или подобосущий. И Церковь утвердила единосущие: Я и Отец одно. Вопрос о Едино- и Подобосущии не только, однако, теологический, — и Флоренский им отмыкает и замки логики и любви. И вот <...> не нужно ли и «романтическую» проблему отмыкать этим ключом? Бог — *Ens Realissimum* — единосущий, первый же романтик — Змея, утверждающая подобосущие. Только подобие, а не едино. Вы будете, как боги — не богами. И соблазненный Адам — первый романтик (его тоска о

³ «Упомяну кстати, что эстетический критерий церковности, о котором говорит о. Павел Флоренский в глубокомысленной книге «*Столп и утверждение Истины*», кажется мне опасным своей зыбкостью; он, несомненно, оправдывается в глубинах мистической жизни и на высотах платонического созерцания, но может оказаться пагубным в истолковании культурно-феноменологическом». («Живое предание» Статья 1915 г. // Соч. Т. 3. С. 806).

«потерянном рае», его «любовь и вражда» к Еве — все это плоды, упавшие с древа познания романтического, а не реалистического воплощения. Христос — единосуший, иначе он был бы романтиком (и евреи были бы правы и им бы (евреи а не романтики) делало честь, что они романтического Христа не приемлют), но он — как Отец — *Ens Realissimum* Христос — реалист.

О феномене творчества и символическом образе. Одну из тем, проходящих сквозь мысль Флоренского и Вяч. Иванова, можно назвать — в первой упрощенной и неточной формулировке — представление о творчестве как о переходе из одного мира в другой и повторном возвращении в земной мир. Флоренский здесь во многом предстает как критик, или как продолжатель идей Вяч. Иванова. Это касается, во-первых, работ о Павла, связанных с культом Диониса и орфизмом. Во-вторых, это работы Вяч. Иванова по теории искусства символизма, рассматривающие преимущественно религиозное творчество. Едва ли не самой важной из них была статья «О границах искусства» — размышление о мистической эпифании, то есть о богоявлении. Преодолевая полосу миражей фантазии и затем суровую пустыню, художник восходит от реального к реальнейшему, приближаясь к Реальности Высшей. После этого — в сонном видении, как в зеркале, ему отражается мелькнувшая эпифания. Низойдя на землю, он художественно воплощает виденное.

Эту статью в начале 1914 г. Вяч. Иванов послал Флоренскому, который в ответном письме изложил свои впечатления от чтения: в этом небольшом эссе автор касается глубинных вопросов природы творчества. Однако Флоренскому «Границы искусства» кажутся фрагментарными и незавершенными — Вяч. Иванов должен синтезировать и обобщить свои мысли и феноменологии творчества в отдельном монографическом сочинении. (Письмо 4).

Подобного сочинения Вяч. Иванов никогда не написал — можно думать, что написание подобной «синтезирующей» работы не входило в его эстетическую и литературную задачу. Но через ивановские «Границы искусства» идут по крайней мере две линии к последующим работам Флоренского. Первая ведет к размышлениям в «Иконостасе» 1922 г.: «В художественном творчестве душа восторгается из дольного мира и восходит в мир горний. Там без образов она питается созерцанием сущности горнего мира, осязает вечные ноумены и, напитавшись, обремененная ведением, нисходит вновь в мир дольний. И тут, на этом пути вниз <...> ее духовное стяжание облекается в символические образы — те самые, которые, будучи закреплены, дают художественное произведение».

Вторая линия — менее явная — идет к экзегетическому этюду Флоренского 1915 г. «Не восхищение непщева (К суждению о мистике)». Не касаясь сейчас системы положений этой работы Флоренского, укажем только, что в ней о Павел ставит примерно те же вопросы о мистическом видении, какими задавался Вяч. Иванов в своих работах, и что исследуемый здесь Флоренским вопрос о приближении древней языческой мистики к мистике христианской соотносится с аналогичными идеями, проходящими сквозь весь поэтический мир и научную мысль Вяч. Иванова⁴ (см. прим. 30 к письму 7).

⁴ Здесь нельзя не привести проницательных слов С. Булгакова, написанных в том же 1915 г.: «Языческое благочестие вовсе не есть антихристианство. Когда говорят об «язычестве» в порицательном смысле, то не его разумеют, а лжеязычество антихристианской реставрации, которая началась с Юлиана Отступника, продолжается через Возрождение и до наших дней. Поистине отвергнуть и внутренне преодолеть эту языческую

Можно выделить и другие общие линии в диалоге Вяч. Иванова и Флоренского: *о литургическом синтезе искусств в древнем мире и современности, о связи имени и личности человека*. Здесь их позиции оказываются близкими. Но в определении *природы и смысла монархической власти* в России они далеко расходятся.

Для Вяч. Иванова монархия должна быть формой народовластия. Для Флоренского важно как можно более резко противопоставить авторитарный принцип принципу демократическому, эффектно подчеркнуть, что власть от Бога, а не от народа, что монархия — принцип вероучительный. Монархия, таким образом, для Флоренского догматизируется.

Напротив, для Вяч. Иванова осуществление русским правительством в исторических условиях начала XX века самодержавной идеи означает неминуемую гибель. В полемике вокруг статьи Флоренского о Хомякове — статьи резкой, аффективной и раздражительной по отношению к тому, что автором воспринимается как либеральное благодушие XX века, — Вяч. Иванов сказал свое слово, не солидаризуясь ни с апологетикой самодержавия Розанова, ни с безудержным критицизмом Н. Бердяева (см. письмо 9, прим. 64).

Переписка печатается по рукописным автографам. Все письма издаются впервые. В случае когда это не оговорено, оригинал хранится в архиве свящ. Павла Флоренского в Москве. Предисловие написано А. Б. Шишкиным, текст писем 2-9 подготовлен о. Андроником (Трубачевым), С. Трубачевым, П. В. Флоренским, писем 1 и 10 — А. Б. Шишкиным; комментарии к письмам — о. Андроника (Трубачев) и А. Б. Шишкина.

реставрацию можно, только познав подлинное язычество, явив православие в эллинстве (а следовательно, и эллинство в православии). Этой христианской задаче и призван служить Вяч. Иванов, поскольку он остается самим собой, отдаваясь собственной стихии». С. Булгаков. Сны Геи // С. Булгаков. Тихие думы. М., 1918. С. 135-137.

1.

о. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. И. ИВАНОВУ
26 НОЯБРЯ 1913 Г.

+

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Несколько брошюрок, присылаемых Вам, — это, кажется, все что мог найти. Остальных статей уже нет ни одного экземпляра. Простите, что решился прислать Вам эти мелочи. Оправданием мне может служить лишь выраженное Вами желание, которое удовлетворить как следует не имею возможности¹. Желаю Вам и всему Вашему семейству, о котором молюсь за каждой службой, мира и радости.

Искренне уважающий Вас
священник Павел Флоренский.
1913. XI. 26. Сергиев Посад.

22.

Л. В. ИВАНОВА — о. П. А. ФЛОРЕНСКОМУ.
21 ДЕКАБРЯ 1913 Г.

Многоуважаемый отец Павел!

К нашему глубокому огорчению, мы никак не можем приехать сегодня, так как у Веры³ страшная мигрень, от которой она не может стоять на ногах.

Очень хотели бы приехать завтра перед обедней, но, к сожалению, наверное, решить не можем в виду ее состояния. Поэтому полагаемся на волю Божию и будем ждать завтрашнего дня.

Искренне уважающая Вас
Лидия Иванова⁴.

¹ РГБ 109.35, 76, л. 1.1. Кажется, что Флоренский посылает Вяч. Иванову, по его просьбе, свои статьи и отдельные оттиски и сопровождает посылку данным письмом (А.Ш.).

² На письме рукой Флоренского: «Получено» 1913. XII. 21». Конверт без почтовых штемпелей. Адрес: «Красный крест. Дом призрения престарелых сестер. Священнику Павлу Флоренскому». В 1912-1921 гг. о. Павел служит в Сергиевопосадской церкви во имя равноапостольной Марии Магдалины приюта сестер милосердия Российского общества Красного Креста (о. Андроник).

³ Вера Константиновна Шварсалон (1890-1920), третья жена Вяч. Иванова.

⁴ Письмо написано из Сергиева Посада, куда Л. В. Иванова и В. К. Шварсалон перед Рождеством поехали готовиться к исповеди и причастию, молясь и посещая церковь. К Флоренскому они зашли через день после написания письма. Лидия Иванова подробно вспоминает об этом в «Книге об отце»: «23-го декабря мы, возвращаясь домой, зашли к Флоренскому. Было туманно, тепло и сыро. Домик вроде избы, вокруг садик с густыми кустарниками. Сам Флоренский в рясе, небольшой, очень худой, с бородой, с длинными, как полагается, волосами, имел вид благообразный, тихий, напряженный, ласковый. Дом внутри бедный и очень чистый, о чем заботилась скромная, смиренная молодая жена. Вокруг много маленьких детей. На столе было блюдо из какого-то зерна, круп-

35.

Л. В. И В. К. ИВАНОВА — о. П. А. ФЛОРЕНСКОМУ.

28 ДЕКАБРЯ 1913 Г.

Дорогой и глубокоуважаемый Павел Александрович!

Пользуемся этой посылкой, чтобы еще раз выразить Вам нашу благодарность за Ваше сердечное гостеприимство и советы в эту поездку, бывшей для нас большой радостью. Шлем Вам и Вашей семье сердечные приветы и поздравления от Вячеслава, Марии Михайловны⁶ и еще раз от нас и лучшие пожелания светлого нового года.

Л. и В. Ивановы.

47.

о. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. И. ИВАНОВУ

1 АПРЕЛЯ 1914 Г.

1914. iv. 1. преподобн<ья> матери нашей Марии Египтяныни. Сергиев Посад

+

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Не надеясь, что буду иметь возможность после, спешу теперь же с приветствием Вас и сердечной благодарностию за присланную статью «О границах искусства»⁸. Статья Ваша доставила мне хороший часок и сама по

ного, белого (ячмень?), сваренного с медом. Флоренский угощал и объяснил, что это, по старинным обычаям, полагалось есть накануне сочельника. Мы долго сидели, говорила Вера, а я дичилась, но жадно слушала каждое слово. Флоренский нам рассказывал, как он хотел быть монахом; как старец, его духовник, ему этого не позволил, а велел сделаться «белым священником» и жениться; как он встретил на мосту, по предсказанию духовника, свою суженую. Когда мы уходили, ему попались, не знаю как, рисунки, которые я набросала на полях какого-то листа бумаги. Он взглянул и попросил ему дать: что-то в них его заинтересовало.

Он провожал нас. Мы шли по каким-то дорогам, сырым и узким <...> (Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 61 (А. Ш.).

⁵ Это записка, написанная на формуляре бандероли. Здесь же указаны отправители и их адрес: «Л. В. и В. К. Ивановы. Зубовский б<ульвар>, 25, кв. 9 Москва». Почтовые штампы: «Москва, 34-е гор. поч. тел. отд. 28.12.13» и «Сергиевский Посад Моск. г. 29.12.13» (о. Андроник).

⁶ Марья Михайловна Замятнина (1865-1919) — друг и «домоправительница» семьи Ивановых. (А. Ш.).

⁷ Печатается по черновому незавершенному варианту письма.

⁸ Статью «О границах искусства» — едва ли не центральную среди статей о искусстве символизма — Вяч. Иванов посылает Флоренскому в первой публикации 1914 г. в № 7 журнала «Труды и Дни». Доклад «О границах искусства» Вяч. Иванов читал в 1913 г. в Московском религиозно-философском обществе, а 22 января 1914 г. — в концертном зале Тенишевского училища в Петербурге, среди слушателей его был, между прочим, А. Блок (Блок А. «Записные книжки». М., 1965. С. 203). Статья эта затем была включена в книгу «Борозды и Межи» и замыкала в ней раздел, озаглавленный «Искусство и Символизм», а в 1920-е гг. должна была войти в проектированные Вяч. Ивановым итальянскую и немецкую книгу его работ по эстетике символизма.

себе, и как свидетельство, что Вы вспомнили обо мне, того не заслужившем. А ведь радоваться можно тому лишь, что *gratis datur*⁹. Правда, о Вас часто вспоминаю в разных обстоятельствах своей жизни и никогда — «вообще»; однако...

Но вот какой ряд мыслей, давно бродивших во мне относительно Вас и около Вас, пошел при чтении Ваших «Границ искусства»: Кто́ такой Вяч. Иванов? Писатель? — Нет, писатель — Мережковский, Брюсов и проч., а для В. И. писательство — лишь один из способов выражения себя. Поэт? — И поэт. Вот, Пушкин — поэт, а В.И. — иное. Ученый? — И ученый. Но в основе он что-то совсем иное. Если бы он был в древности — он был бы вроде Пифагора. Если бы он был шарлатаном — он сделался бы Штейнером¹⁰. Если бы он был святым — он был бы старцем. Я не знаю, кто́ он. Но я определенно ощущаю, что ему надо бы жить, например, в замке, среди учеников и избранных друзей, и что публичные лекции и т. п. идут к нему столь же мало, как купальный чепец к Афродите.

Что́ же знает В. И.? Много; но все, что он воистину знает — это около *рождения*, на иных, впрочем планах, чем физический. И как досадно читать статьи вроде «О границах искусства», где глубокое знание творчества комкается. В. И. многократно подходит к одним и тем же вопросам в разных своих статьях и статейках и, как ленивый и лукавый раб¹¹, ограничивается каждый раз заметками из записных книжек. «По звездам»¹² — книга удельного веса 19 1/2¹³, по крайней мере в бóльшей своей части. Но эти отдельные статьи дают право думать, что они возникли случайно и что автор писал их «между прочим».

С. Булгаков завершил свою рецензию на «*Борозды и Межи*» (Сны Геи // Утро России, 1915. 30 апр., включено в кн. «Тихие думы» М., 1918) подробным изложением статьи «Границы искусства» и также некоторой полемикой с ее идеями. Ряд мнений Булгакова (напр., «суждения В. Иванова... нуждаются в большей договоренности и приведении в связь с самыми основами его религиозной антропологии» (с. 143) близок к критике Флоренского в публикуемом письме (А. Ш.).

⁹ Дано бескорыстно (лат.)

¹⁰ Рудольф Штейнер (1861-1925) — основатель Антропософического общества, центр которого находится в Дорнахе (Швейцария). В «*Столпе и утверждении Истины*» Флоренский несколько раз указывает работы Штейнера, однако его личное отношение к фигуре «доктора», кажется, достаточно характеризует контекст данной фразы.

Что же до Вяч. Иванова, то систематическое ознакомление с идеями «доктора» относится к периоду его общения с А. Р. Минцловой (Ср.: М. Carlson. *Ivanov-Belyi-Minclova: The Mystical Triangle*. In: *Cultura e Memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*. I. Firenze, 1988; Андрей Белый и Антропософия. Публ. Дж. Мальмстада. // *Минувшее* № 6, М., 1992, № 8, М., 1992, и № 9, М., 1992). Итоговое отношение Вяч. Иванова к Штейнеру, как гласит устойчивое семейное предание, было негативным. (А. Ш.)

¹¹ В притче о талантах (Мф. 25: 14-30) рабу, который получил один талант и спрятал его в землю, господин говорит: «лукавый раб и ленивый». (А. Ш.)

¹² «По звездам. Опыт философии, эстетические и критические». СПб., 1909.

¹³ То есть золота.

Почему бы В. И. не написать книги о творчестве, — так сказать, феноменологии творчества? Это был бы памятник достойный его. Мне не думается, чтобы надо было привести эту книгу к внешнему единству, т. е. делать ее «диссертацией». Но она должна разобрать основные вопросы по заранее обдуманному плану. Кроме В. И., такой книги никто написать не может: это наиболее надежное доказательство, что написать ее он *должен*.

Простите, я расписался на темы, о которых не предполагал писать. Но если Вы будете иметь терпение дойти до ближайшего засим, то мне хочется ответить Вам на одну фразу Вашу, которая показала мне, что Вы несколько узнали сущность священства, — следующее: Молитва мирянина в церкви представляется пассивною, но на самом деле это, в каком-то ином плане, явление мужественное, как и вообще женственность не во всех планах женственна. Молитва же священника представляется мужественною, и действительно она стоит в полной противоположности с молитвою мирян. Там по преимуществу чувство, а тут — воля. Но вот за этой мужественностью скрывается женственность, как и вообще... Стоишь у престола. Нежнейшие и легкие, однако <?> очень определенные и в себе уверенные, прикосновения тонких перстов волнуют, как скульптура воск, весь организм, а преимущественно грудь священ<ника> во время богослужения. Это не снаружи, а где-то внутри, однако, не у сердца, а ближе к эфирному телу. <...>

514.

В. И. ИВАНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ.

11 МАЯ 1915 Г.

Духов день.

1915

Дорогой Отец Павел,

Если бы Вы нашли возможным, преодолев препятствия внешние, а может быть — и сомнения, все же приехать в ближайшие дни в Москву, я был бы Вам искренне благодарен. А. Н. Брянчанинов¹⁵ прямо умолял меня познакомить его с Вами; он просил меня и Володю¹⁶ известить его в Петербург телеграммой, когда Вы будете в Москве, чтобы немедленно прибыть сюда для этой встречи. Но вы затворились на все это время у Троицы. Он

¹⁴ На конверте рукой Вяч. Иванова: *Заказное*. Его преподобию Отцу Павлу Александровичу Флоренскому Проф<ессору> Духовной Академии. *Сергиев Посад*. Дворянская, д. Якуб. От Вяч. Ив. Иванова, Москва, Зубовский б., 25. Рукой Флоренского: Получ. 1915.V.13. Серг. Пос. Почтовые штемпели: Москва, 21.12.5.15 и Сергиевский Посад. 13.5.15 (о. Андроник).

¹⁵ А. Н. Брянчанинов (1874-1918) — близкий друг А. Н. Скрябина в последние годы его жизни. В 1915 году был Председателем Петроградского Скрябинского общества. См.: Письмо члена совета М.С.О. Вяч. Иванова Председателю Петроградского Скрябинского Общества по поводу книги Л. Л. Сабанеева «Скрябин» от 12 мая 1916 г. // Известия Скрябинского Общества. 1917. Вып. 2.

¹⁶ То есть В. Эрн.

приезжает 14-го мая в Москву на два дня, и если бы Вы оказались, хотя бы на один вечерок, у нас (где, прибавлю, освободилась комната Володи, все собиравшегося ехать к Вам, но при его крайней усталости и многих спешных хлопотах так и не попавшего в Посад), — если бы, говорю, Вы провели хоть вечерок с нами (а м. б., пошли бы мы вместе с Сергеем Николаевичем¹⁷ в четверг и на вечер скрябинской музыки в зале Гагариных), — то Брянчанинов мог бы переговорить с Вами о том, что лежит у него на сердце.

Этот человек был ближайшим другом Скрябина и по его смерти, как говорит сам, духовно овдовел. Будучи и верующим, и мистиком (верующим сбивчиво, но все же постоянно направлявшим Скрябина к молитве и к Церкви, — мистиком бестолковым, но одним из тех, для коих незримое существеннее и осязательнее видимого), он страстно ищет разобраться в пережитом, что составляет крушение его величайших надежд, осмыслить духовное значение жизни и смерти своего друга, правду и ложь его стремлений, решить для себя, все ли потеряно с этой смертью или есть нечто, что должно охранить и что может принести плод. Все подобные вопросы неразрывно связываются у него с гаданиями о смысле общих событий и о судьбах России¹⁸.

Бывший помощник военного *attasché* в Париже, издатель «Нового Звена»¹⁹, человек очень богатый и с большими связями в разных странах, организатор всяких сборищ и симпозиумов, глава большого и весьма видного Петербургского кружка политиков и идеологов с именем и положением, он, как бы ни преувеличивал в собственном представлении свое влияние,

¹⁷ То есть С. Булгаковым.

¹⁸ Ср. сообщение издаваемого Брянчаниновым журнала «Новое Звено» (1915, № 69): «28 апреля состоялось заседание, посвященное обсуждению вопроса о мистическом значении кончины Скрябина. После вступительного слова, сказанного председательствующим А. Н. Брянчаниновым, развившим те же мысли, что были развиты в статье «Под пение Христос Воскресе» («Новое Звено». № 16/6), представили свои соображения Б. Ф. Шлецер, П. Д. Успенский, Д. Дмитриевский, бар. Рауш и др. <...>». В следующих номерах журнала были напечатаны статьи по поводу Скрябина П. Д. Успенского, Ф. Зелинского и Б. Ф. Шлецера.

После посещения Флоренского Брянчанинов в июне 1916 г. специально отправился из Петербурга в Коктебель к М. А. Волошину, который рассказал о визите Брянчанинова в письме к М. С. Цейтлиной от 7 июня 1916 г. По словам Волошина, Брянчанинов приезжал «специально для разговоров о Скрябине и о литературном наследии его, то есть тексте «Предварительного Действа» (Письма М. А. Волошина к М. С. Цейтлиной. / Публ. В. П. Купченко. // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 364. (А. Ш.)).

¹⁹ Еженедельник «Новое звено. Орган независимой либеральной мысли» (начиная с № 30 журнала за 1914 г. подзаголовок стал: Орган объединенного славянства и независимой либеральной мысли) выходил в Петербурге с 1913 по 1915 г. (Библиография периодических изданий России, 1901-1916. Л., 1959. Т. 2). Вяч. Иванов был его сотрудником и опубликовал в № 49 за 1914 г. статью «Славянская мировщина».

тем не менее как-то централен. И уже, во всяком случае, своеобразен. Скрябин очень его любил и по-детски ему верил²⁰.

²⁰ Вяч. Иванов познакомился с А. Н. Скрябиным (1871-1915) в 1912 г. (надпись на экземпляре «*Cor Ardens*»: «Глубокоуважаемому Александру Николаевичу Скрябину на память о мимолетном знакомстве и в надежде на глубокое» датирована 1 апреля 1912 г. — Мыльникова И. Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 90.

В 1915 г. Вяч. Иванов писал о композиторе: «Теоретические положения его о соборности и хоровом действии проникнуты были пафосом мистического реализма и отличались от моих чаяний, по существу, только тем, что они были для него еще и непосредственными практическими задачами. <...> С благоговейной благодарностью вспоминая я об этом сближении, ставшем одною из знаменательных граней моей жизни» (III, с. 183; ср., однако, свидетельство Н. П. Ульянова // Мыльникова И. Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. С. 92.).

О дружбе со Скрябиным подробно рассказывает Лидия Иванова:

«Осень, на фронте идет война. В городе возобновляется культурная жизнь.

Приблизительно в это время начинается знакомство и дружба Вячеслава со Скрябиным.

Мы оба любили Бетховена и Шуберта, любили классиков, а к новой музыке относились недоброжелательно, как относятся к подозрительным иноземцам. Скрябин это почувствовал и, так как очень полюбил Вячеслава, захотел его непременно ввести в свой мир. Один раз вечером он к нам пришел, сел за наш старый рояль и долго нам играл отрывки из своей поэмы «Прометей», повторял их, объяснял.

<...> На первый взгляд Скрябин со своими закрученными усами и аккуратной бородкой мог показаться элегантным, поверхностным и банальным посетителем светских салонов. Но когда он начинал говорить о своих идеях и замыслах, его глаза зажигались, он весь светился и казался легким-легким, точно возьмет, да и взлетит (что, кстати, соответствует характеру его музыки).

Вячеслав очень тесно сблизился со Скрябиным, который сообщал ему все свои замыслы, или, вернее, посвящал его в один свой великий замысел. Он считал, что его миссия — написать музыку для «Мистерии»: окончательной мистерии. Она будет исполнена всего лишь один раз, и после этого кончится Эон, в котором мы живем, — этот мир кончится. Скрябин подготовлялся к этой миссии. Пока что нужно было написать «предварительное действие», которое он уже конкретно начинал осуществлять.

Он так верил во все это, что мы за него сильно опасались: что будет, когда он напишет эту музыку и дело дойдет до ее исполнения» (Иванова Л. Воспоминания. С. 58-59; см. также ниже, следующее примечание).

Когда Скрябин летом 1914 г. обдумывал «Предварительное Действие», он «привез из Москвы «*Cor Ardens*» Вячеслава Иванова, которое... перечитывал постоянно». Композитор в своем поэтическом творчестве подражал Вяч. Иванову, и в конце ноября «Скрябину удалось прочесть всю поэму своим друзьям-поэтам — Вячеславу Иванову и Юргису Балтрушайтису, мнению которых он придавал большое значение» (Мемуары Б. Ф. Шлецера: Цит. по комментариям Р. Е. Помирчого в кн.: Вяч. Иванов Стихотворения и поэмы. 1976. С. 495).

Вяч. Иванов посвятил Скрябину ряд стихотворений (см. II, III). После смерти композитора 14 апреля 1915 г. Вяч. Иванов стал одним из основателей московского общества «Венок Скрябину» и членом комитета по публикации «Предварительного Действия». В 1915-1920 гг. Вяч. Иванов прочел ряд лекций, которые должны были лечь в основу книги статей о Скрябине (главы опубликованы в III и в кн. «Памятники культуры. Новые от-

Смерть Скрябина, остановившая его у порога Мистерии²¹, по убеждению Брянчанинова, есть катастрофа его внутреннего пути, его мистического делания. Он подозревает его ошибку в отрыве его от Церкви. Как оценить его дело? Б[рянчанинов] верит в положительную сторону этого дела и считает нашим общим долгом это положительное, если возможно, оберечь, поднять и спасти. Вот почему, с чрезвычайною настоятельностью, он просил меня устроить его свидание с Вами.

Пока, до свидания! Поручаю себя τῆ φιλιᾷ σου²² за возвращаемые книги сердечно от себя и своих благодарю.

Любящий Вас Вяч. Иванов.

крытия» 1983). См. также кн.: P. Mueller-Vollmer. Ivanov on Scriabin. — *Cultura e Memoria*. II. Firenze, 1988. (А. III).

²¹ О смысле смерти Скрябина писала Л. Иванова:

«Казалось, что Судьба решила за него и как бы пресекла его дерзновение. Было что-то жуткое в его неожиданной смерти, после немногих дней болезни, от случайного заражения крови» (Иванова Л. Воспоминания. С. 59).

В ином смысле коснулся этого вопроса Вяч. Иванов в речи «Взгляд Скрябина на искусство», читанной в 1915 и 1916 гг.: «Скрябину, носителю теургического помазания, не было дела до того, не сожжет ли огонь таинства уготованную к его приятию плоть искусства, не сожжет ли он и самого теурга. Смерть значила для него свершение личности. <...> В его личной жизни это таинственное воссоединение свершилось, то была смерть, в которой я вижу его высокое посвящение. <...>

Я вижу в его смерти ясное знамение духовной реальности его порыва и подвига, как бы не было смутно его сознательное овладение конечным смыслом того, чего он так пламенно призывал. Он поставил Судьбе дерзновенное требование: «или свершится теперь же очистительное обновление мира, или нет мне места в мире», — и Судьба ответила: «умри и обновись сам». С необычайным, сверхчеловеческим логизмом он был внезапно и как бы налетною силою необъяснимой роковой случайности восхищен от нас, застигнутый Гарпией как раз на половине того дела, которое одною, внешнею половиною еще должно было <...> уместиться в гранях искусства, нам ведомого, — другою же, внутреннею, уже выходить за его пределы и начинать само таинство. Я благоговею перед этой смертью, помня, что семя не оживет, если не умрет» (III, С. 181).

Вяч. Иванов виделся со Скрябиным накануне смерти композитора. См. стихотворение Вяч. Иванова и «Развертывалась дружба нашей завязь...» (III, С. 531-532; Мыльникова. Статьи..., 1983, С. 109-110) и запись со слов поэта в дневнике С. П. Каблукова: «В одиннадцать часов вечера, пред ночью смерти, виделся с ним и обсуждал с ним проект предположенной Скрябиным концертной поездки. При этом Скрябин говорил жене, что не надо отменять то, что уже к тому времени было в этом направлении сделано, настолько он был уверен в благополучном исходе своей болезни» (Цит. по: Мыльникова, Статьи..., С. 118). О смысле смерти Скрябина ср. также Г. Флоровский. Пути русского Богословия. Париж, 1983. С. 486-487.

²² Твоей дружбе (*греч.*).

<Приписка на свободном месте в начале письма:>

Это письмо, предназначенное для личной передачи через Сергея Николаевича, посылается по его просьбе по почте, т. к. его поездка к Вам б. м. откладывается²³. Вечер 11 мая²⁴.

²³ Неизвестно, состоялось ли свидание И. Брянчанинова с о. П. Флоренским. Об отношении Флоренского к Скрябину ср. свидетельство Л. Сабанеева, сохраняющее при своих неточностях значение первоисточника: «После окончания университета мы как-то разошлись с ним <Флоренским> в разные стороны. Флоренский не жил больше в Москве и оставался большей частью в Троице-Сергиевой лавре. Вяч. Иванов вызвал возобновление нашей дружбы, введя Флоренского в круг композитора Скрябина, к которому сам был близок и которым я тоже был увлечен с головой. Флоренский, однако, не вписался в скрябинский круг. Он был слишком далек от музыки и от искусства в целом. Более того, было вполне явно, по крайней мере для меня, что довольно светский дух скрябинского окружения не отвечал его настроенности, ибо интеллектуальный уровень и духовная «тональность» Флоренского были возвышеннее и гораздо сложнее. Все же он высказывал некоторый интерес к скрябинской концепции «мистерий», хотя, как я полагаю, она была трудно совместима с его собственными взглядами и со всей его личностью. Но, как уже было отмечено, взгляды Флоренского не всегда согласовывались друг с другом, что он рассматривал скорее как положительное свойство, нежели чем недостаток. Я вспоминаю, как на заупокойной службе по Скрябину он подошел ко мне и сказал своим сухим «неотмирным» голосом, что он ощущает, будто «мистерия» Скрябина все же может найти свое воплощение, несмотря на его смерть, но лишь спустя тридцать три года. Я не забыл это число. Но в 1926 году я навсегда покинул Россию и потерял всякую связь с Флоренским. Тем любопытнее мне было узнать от человека оттуда, также к тому времени эмигранта, что точно тридцать три года спустя после кончины Скрябина Флоренский в 1948 году умер сам, возможно в концлагере в Сибири (прежде этого он был сослан в Соловецкий монастырь). «Мистерия» была таким образом все-таки осуществлена, но не для Скрябина, а для самого Флоренского». Leonid Sabaneeff. Pavel Florensky — Priest, Scientist and Mystic // The Russian Review. 20. (1961. № 4). (А. III.).

²⁴ В суждениях о музыкальном искусстве Флоренский исходил из коренного убеждения: *прекрасное есть истинное*. Критерий истинности — реализм, проникновение в сущность вещей. Истинному искусству противостоит искусство мнимое. Истинное искусство создает символические образы, мнимое — лишь иллюзорные подобию вещей. И если музыка Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта и Глинки была для Флоренского объективным постижением мира, творчеством, утверждающим бытие как благо, то лишенное, в понимании философа, этой онтологической основы творчество Чайковского и Скрябина отталкивало его. Но отталкивало по-разному: «Против Чайковского и против Скрябина я имею разное, но это разное, по-видимому, объединяется в одном, в их ирреализме. Один уходит в пассивную подавленность собственными настроениями, другой — в активную, но иллюзионистически магическую подстановку вместо реальности своих мечтаний, не преобразующих жизнь, а подставляющих вместо жизни декорацию, хотя и обманчивую. Но оба они не ощущают недр бытия, из которых вырастает жизнь. Оба живут в призрачности. Чайковский — без стержня. В его музыке нет онтологии... Бесспорно, эти призрачные тени красивы, но я не могу назвать их прекрасными, ибо прекрасное не только красиво, но и истинно» (из письма к дочери Ольге от 23 марта 1937 г.).

Признавая большую силу Чайковского и Скрябина как художников, Флоренский подчеркивал: «“Пиковая дама”, мне кажется, едва ли не самая цельная, самая выкованная из опер, но — тем хуже, ибо она глубже отчаяния, то есть самого ядовитого из чувств, и она властно заражает отчаянием» (там же).

Флоренский не принимает Скрябина также и потому, что композитор стремится выйти за реальные пределы музыки в область магического воздействия иных, не специфических звуковых средств, а в собственно музыкальной сфере приходит к разрушению устойчивых звуковых структур. И он сопоставляет Скрябина с непреходящим значением Баха и Моцарта: «Если несколько преувеличить, то о скрябинских произведениях хочется сказать: поразительно, удивительно, жутко, выразительно, мощно, сокрушительно, но это — не музыка. Скрябин был в мечте. Он предполагал создать такое произ-

625.

В. К. ИВАНОВА — о. П. А. ФЛОРЕНСКОМУ.
4 ИЮНЯ 1915 Г.

Дорогой и многоуважаемый отец Павел.

В Воскресенье, возможно, мы уедем в Анапу к Эрнам (замысел о Силломягах²⁶ и Балтийском море мы окончательно отложили). Едем Лидия, Дима, няня и я. Вячеслав же хочет работать пока что здесь. Если у Вас имеется молитва при стрижении волос, я Вам была бы чрезвычайно благодарна, если бы Вы мне ее прислали до нашего отъезда. Шлем Вам, Анне Михайловне²⁷ и Васе наши сердечные приветы²⁸.

Ваша
Вера Иванова.

ведение, которое, будучи исполнено где-то в Гималаях, произведет сотрясение человеческого организма, так что появится новое существо. Для своей миродробящей мистерии он написал либретто, довольно беспомощное. Но дело не в том, а в нежелании считаться с реальностью музыкальной стихии как таковой, в желании выйти за ее пределы, тогда как музыка Моцарта или Баха бесконечно действеннее скрябинской, хотя она и только музыка» (там же).

Флоренский активно не принимает музыки, разрушающей, как ему представляется, цельность личности, расшатывающей ее духовные устои. Его эстетический идеал — древнегреческое искусство, «Троица» Андрея Рублева, Гете, Пушкин, Тютчев, Моцарт. «Скрябин и Чайковский — антипушкинцы и антитютчевцы. Этим все сказано». В высказываниях Флоренского, раскрывающих негативное отношение к философскому иллюзионизму Скрябина и трагической надломленности в музыке Чайковского, выражена убежденность в незыблемости объективно-прекрасного. По мысли Флоренского, — непреходящее значение ее хотелось бы подчеркнуть, — музыка как образное постижение объективной реальности имеет свои объективные закономерности, в пределах которых она утверждает себя как искусство, сохраняет свою действенную силу. См. Трубачев С. З. Музыкальный мир П. А. Флоренского. // Сов. музыка. 1988. № 9. С. 99-100 (о. Андроник).

²⁵ На конверте рукой В. К. Ивановой: «Троице-Сергиевский посад. Отцу Павлу Александровичу Флоренскому. Дворянская ул., дом Якуба. Почтовые штемпели: «Москва. 21.4.6.15» и «Сергиевский Посад Моск. г. 4.6.15» (о. Андроник).

²⁶ Силломяги — село Эстляндской губернии Везенбергского уезда на берегу Финского залива в 15 верстах от г. Нарвы. Дачное место, популярное среди жителей Петербурга (А. Ш.).

²⁷ Анна Михайловна Гиацинтова (1889-1973), жена о. Павла (А. Т.).

²⁸ В ответ Флоренский послал «молитву на пострижение власом строгати», переписанную из старопечатного «Потребника мирского» 1639 г. На первом листе о. Павел написал своей рукой: «Диме Иванову от любящего его священника Павла Флоренского» (РГБ, 109-35-76). Ср. конверт с надписью рукою Флоренского: Москва, ЕВР Вячеславу Ивановичу Иванову. Зубовский бульвар, д. 25 (от свящ. П. Флоренского. Сергиев Посад Моск. губ. Дворянская ул. д. Якуба) (для передачи Вере Константиновне)». Почтовые штемпели: Сергиевский Посад 16.6.15. (А. Ш.).

729.

В. И. ИВАНОВ — о. П. А. ФЛОРЕНСКОМУ.
7 ОКТЯБРЯ 1915 Г.

Многолюбивый друг и достопочтенный отец,
Павел Александрович!

Приношу Вам возобновленную двойную благодарность: за надписание моего имени над Вашей изящною и блистательною работой о «восхищении»³⁰, и за подтвержденное Вами согласие на мою просьбу о послесловии

²⁹ На конверте рукой Вяч. Иванова надпись: «Заказное. Троице-Сергиев Посад. Дворянская, д. Якуба, Его Преподобию профессору Духовной Академии Отцу Павлу Александровичу Флоренскому. От Вяч. Иванова, Москва, Зубовский б. 25».

Рукой Флоренского: «Получ. 1915. X. 10». Почтовые штемпели: Москва, 21.7.10.15, Москва, № 3. 1 экспедиция. 8.10.15 и Сергиев Посад Моск. г. 8.10.15. (о. Андроник).

³⁰ То есть за посвящение Вяч. Иванову работы «“Не восхищение непщева” (Филипп. 2, 6-8) (К суждению о мистике)», опубликованной в журнале «Богословский вестник», 1915, т. 2, № 7 и отдельным изданием, Сергиев Посад, 1915, по которому здесь его цитирует Вяч. Иванов (о. Андроник). На подаренном Вяч. Иванову экземпляре Флоренский написал также двустрочный гекзаметр на древнегреческом языке (экземпляр этот, видимо, утерян); его текст он занес также в тетрадь со своими стихотворениями, добавив перевод и объяснение греческих выражений:

Вячеславу Ивановичу Иванову
на поднесенном ему экземпляре «Не восхождение непщева» (1915. IX. 25).

ΤΕΤΤΙΓΙΤΩ ΜΕΛΙΝΔΗ
ΤΕΤΙΘ' ΑΚ' ΑΝΘΙΟΣ Η Α' ΠΕΙΝ
'ΑΚΑΝΘΑ 'ΑΝΜΟΥ ΤΕ ΦΛΕΓΗΣ
ΛΙΓΥΣΕ ΦΑΤΙΖΩ

т. е.

Кузнечик сладкоголосому кузнечик аканфовый
— радоваться. Сожги мои терния — звонко тебя воспою.

Τέττιξ ἀκάνθιος — это поговорка о береговых певцах и поэтах; особый вид кузнечиков, водившихся в терниях (аканфах), был береговой.

«Сжечь тернии», т. е. грехи, — выражение из молитвы ко св. причащению Симеона Нов. Богослова. В этом гекзаметре (пентаметре) не соблюдены просодические правила, о которых я просто позабыл, почему мне было очень стыдно пред Ивановым.

Автограф Флоренского — (Архив свящ. Павла Флоренского).

О свидании с Флоренским, когда тот подарил Вяч. Иванову работу «Не восхищение непщева», последний рассказывал в письме к своей жене Вере 13 сентября 1915 г.: «... Не виделся с Флоренским, но недавно он был, просидел со мною ночь. Принес он свою новую брошюру, посвященную мне. Очень интересная филологическая о значении ἀρπαγὴς как мистического экстаза. Он обещал мне написать комментарий к моему «Человеку» в форме письма ко мне — для печати» — РГБ 109.10.41 л. 23.

Почему именно эта работа оказалась посвященной Вяч. Иванову? — ведь дедикации Флоренского носили совершенно не случайный характер. Содержание работы обозначено ее названием — это опыт толкования строф 6-8 II главы послания апостола Павла к Филиппийцам, которые в русском переводе читаются так: «Он <то есть Христос>, будучи образом Божиим, не почитал хищением (по-церковнославянски: не восхищения непщева) быть равным Богу; но уничтожил Себя Самого... сделавшись подобным чело-

к «Человеку»³¹. Сладостны мне, лестны и любезны эти знаки связующей нас, как я уповаю, *филии*³². Порою смущает меня, правда, опасение, что,

векам...» Центральным для понимания этих слов является слово «восхищение» — по-гречески *ἀρπαγμός*. Флоренский усматривает в нем мистический смысл, предлагая сопоставить его с текстом 2 Кор. 12:2-4: «Не полезно хвалиться мне, ибо приду к *видениям и откровениям* Господним. Знаю человека, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) *восхищен* был до третьего неба...» (курсив Флоренского). Речь идет таким образом о переходе в духовный мир в видениях и откровениях — тема близкая русскому религиозно-философскому символизму и Вяч. Иванову, присутствующая также в его статье «О границах искусства», посланной автором Флоренскому (см. письмо 4).

Для выяснения истории слова *ἀρπαγμός* — гарпагмос — «восхищение» Флоренский предпринимает исследование древнегреческого мифа и приходит к выводу, что в нем «переход человека в миры иные представляется как восхищение или похищение его трансцендентными существами», причем восхищающая сила облачалась иногда символическою одеждою, представая орлом, Зевсом-орлом или гарпиями (с. 26-27). Здесь начинается наиболее оригинальная часть исследования Флоренского: гарпии, первоначально в древнем мире — экстазотворческие существа, «ангелы экстаза», которые уносят, восхищают душу в иной мир, — откуда восхищенная душа иногда возвращается обратно, иногда нет, — оказываются связаны с древним корнем слова *ἀρπαγμός* — гарпагмос — «восхищение» апостола. Гарпии, по Флоренскому, оказываются коррелятами орла, Орфей же — «гарпия мужского рода, само-восхищающаяся в иной мир» (с. 45). Вяч. Иванов в этом письме принимает большую часть положений Флоренского, не соглашаясь с заключительными.

Образ гарпии Вяч. Иванов использовал в статье о Скрябине в декабре 1915 г. — явно по ассоциации с работой Флоренского: «Он <Скрябин> поставил Судьбе дерзновенное требование: «или свершится теперь же очистительное обновление мира, или нет мне места в мире», — и Судьба ответила: «умри и обновись сам». С необычайным, сверхчеловеческим логизмом он был внезапно и как бы налетною силою необъяснимой роковой случайности восхищен от нас, застигнутый Гарпией как раз на половине того дела, которое... должно было... уже выходить за его пределы и зачинать само таинство». — III, 181 (А. III.).

³¹ Имеется в виду поэма Вяч. Иванова «Человек», три первые части которой написаны в 1915 г. По рассказу О. Дешарт, «издательство Сабашниковых сразу предложило трилогию напечатать. В. И. уже правил корректуры, когда однажды Павел Флоренский, услышав трилогию в чтении В. И., вдруг сказал: «Вещь прекрасная; но ее мало кто поймет. Хотите, я напишу примечания?» Вяч. Иванов тогда остановил публикацию поэмы (III, с. 737).

«Основное узрение поэмы» Вяч. Иванов в автокомментарии определил так: «В том, что обычно зовут диалектикой исторического процесса, я вижу подобный спору Иова диалог между Человеком и Тем, Кто вместе с образом Своим и подобием даровал ему и Свое отчее Имя АЗ-ЕСМЬ, дабы земной носитель этого Имени, блудный сын, мог в годину возврата сказать Отцу: — Воистину ТЫ ЕСИ, и только потому есмь аз. Мой отрыв от Тебя опровергает самое бытие мое <...>» — см. III, с. 743, наст. изд., сс. 177, 188, 195, 205, 273, 284 286 и др. (А. III.).

³² Значения греческого слова «филии» Флоренский касается в главе «Дружба» кн. «Столы и утверждение Истины», М., 1914, где филологически интерпретирует четыре греческих слова, обозначающие понятие любви: «оттенок, выражаемый этим глаголом любви, есть *внутренняя склонность к лицу*, выросшая из задушевной общности и близости, и поэтому *φιλέῖν* относится к каждому виду любви лиц, стоящих в каких-либо внут-

ознакомившись ближе с моею мелопеей, Вы, может быть, уже не чувствуете себя расположенным к исполнению данного обещания: ведь оно может тяготить Вас, если Вы разочаровались в своих ожиданиях от моего произведения. В этом случае (но, прибавлю, *только* в этом) я, получивший обещание, разрешаю от одного лицо обещавшее. Если же Ваша оценка не изменилась, то, напротив, любовно настаиваю на его исполнении. И даже, с великою назойливостью и домогательством, осмеливаюсь сказать: «bis dat qui cito dat»³³. Ибо «Человек» мой набирается и даже почти уже весь набран, как мне сообщает Издательство, — чему сам я немало подивился. Не усматривайте в этом извещении намерения связать Вас определенным и жестким сроком, но, поскольку возможно, подумайте о «Человеке», которого Звезды, по-видимому, торопят нетерпеливо к скорейшему облечению в многострадальную плоть «*lepidi novi libelli*»³⁴. Думаю, что труд, Вам предлежащий, есть исключительно труд оформления: ибо весь материал мысли и знания — в наличности и избытке у творца творимой «Анфродизицей»³⁵.

ренне-близких отношениях. <...> φιλεῖν есть склонность, соединенная с самим любимым *лицом* и вызванная близкою совместною жизнью и единством во многих вещах» — С. 396, 399.

Поэтическое толкование слова φιλεῖν Вяч. Ивановым мы находим в стихотворении, посвященном памяти Вл. Эрнэ, которое в рукописном автографе (Римский архив Вяч. Иванова) имеет название φιλία — в литературной теории символистов название, как известно, указывает сумму смыслов всего произведения. Вот это стихотворение:

Свершается Церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим
И светится внутренний день
Из наших немеющих глаз:
Семью ли лучами звезда,
Очами ль сверкнул Серафим, —
Но тает срединная тень.
И в сердце сияет алмаз.

Начертано Имя на нем,
Друг в друге читаем сей знак;
Взаимное шепчем Аминь,
И Третий объемлет двоих.
Двоих знаменует огнем;
Смутясь, отступаем во мрак...
Как дух многозвезден и синь!
Как мир полнозвучен и тих!
(III, с. 215-216).

(А. Ш.).

³³ Вдвое дает, кто быстро дает (*лат.*).

³⁴ Нарядной новой книжки (*лат.*) — Катулл.

³⁵ «Столп и утверждение Истины» Флоренский назвал «опытом православной теодицеи». Во вступительном слове перед защитой своего сочинения в Московской духовной академии 19 мая 1914 г. он говорил: «...я счел целесообразным в настоящее время выделить именно теодицею, оставляя более трудную антроподицею до лет более зрелых и

Мне хотелось бы поделиться с автором некоторыми впечатлениями, вынесенными из чтения работы о ἀρπαυμός³⁶. Блистательно, по моему суждению, истолкование апостольского текста — и филологическое, и мистическое, и историческое³⁷. Развернулась яркая и многозначительная страница из живой летописи апостольских времен. Только обстоятельность изложения судеб термина в позднейшей мистической литературе кажется мне преувеличенной до неоправданности. Так, выписки из Нила Синайского (стр. 16 сл. № 6³⁸) и из Исаака Сирина (стр. 18 сл., № 9³⁹) ничего не доказывают (поскольку речь в этих местах идет об истолковании самих слов ап. Павла, составляющих и Вашу проблему) — относительно жизни речения в позднейшем мистическом словоупотреблении.

Что же до исследования корней терминологии в язычестве, — оно восхитительно по широте кругозора и новизне точек зрения (напр., в символи-

опытности более испытанной. Но, на возможный вопрос о содержании антроподицеи, может быть, следует ответить: разные виды и степени Бого-снисхождения должны составить основную тему ее. Другими словами, речь должна идти там о категориях духовного сознания и об откровении Божиим в Священном Писании; о священных обрядах и о святых таинствах; о Церкви и ее природе; о церковном искусстве и церковной науке, и т. д., и т. д. А все это должно быть обрамлением центрального вопроса антроподицеи — христологического» (Богословские Труды. 1914. Т. 2 № 9. С. 90).

Антроподицей Флоренского должны были стать циклы «Философия культа» и «У водоразделов мысли», которые сложились к концу 1910-х — началу 20-х гг., но как цельное произведение автором до конца не были доведены. По мнению исследователя, «антроподицея отца Павла состоит из трех частей: 1) строение человека; 2) освящение человека; 3) деятельность человека». — Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии. // Богословские труды. Юбилейный сб. Московской духовной Академии. М., 1986. С. 234.

Как две параллельные линии пересекаются в бесконечности, так «антроподицея» Флоренского в какой-то точке объясняет тематику поэмы Вяч. Иванова «Человек» (А. Ш.).

³⁶ О значении слова ἀρπαυμός см. выше, прим. 30, с. 108.

³⁷ Вот толкование Флоренским текста «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого... сделавшись подобным человекам»:

«Христос Иисус... пребывал в сущности Божественной (и, следовательно, не нуждался в возвышении, не нуждался в том, чтобы взять Себе, усвоить сущность Божественную)... не видел в этом Своем равенстве Богу экстатического акта, или другими словами в равенстве своем Богу не усматривал для Себя того возвышения над Своею природою, которое мечтают получить чрез экстаз мистики... так что стал подобен человекам (в прямой противоположности экстатическому преображению ума, ибо там, если бы кто, будучи человеком, захотел отдаться экстазу Богу <...> полагал бы в сердце своем “Будьте как боги”» — П. Флоренский. На восхищение непщева. 1915, с. 8-9. (А. Ш.).

³⁸ «Есть высшая молитва совершенных — некое восхищение ума...» (А. Ш.).

³⁹ «И блаженный Павел руководился не наукою или иным вещественным способом (познания), когда сказал, что видел и слышал тайны и «неизреченные глаголы...», но восхищением восхищен был в духовную область, и имел откровение тайн» (А. Ш.).

ческой эксегезе об Орифии в платоновском «Фэдре»)⁴⁰, но страдает, по моему мнению, некоторыми увлечениями в духе Крейцера⁴¹ и отклонениями от нормы филологического трезвения. Решительно, Вам не удалось доказать, что Гарпии — божества экстаза. Они — божества восхищения от земли, после коего возврата на землю нет, — следовательно, божества смерти земной всячески, не только в представлении непосвященных. Очевидны допущенные Вами ради защиты своего положения натяжки. Προϊοιος ἀρπαυμῆ надгробия значит, конечно, только: «преждевременная смерть»⁴². Вывод на стр. 30: «Гарпии живут там, где постоянное пребывание восхищения и исступления», — я бы заменил обратным «места восхищения суть места хтонических культов». Пропал человек бесследно и безвозвратно — его похитили жестокие Гарпии: отсюда в Одиссее ἀκλεῶς. Позднее у эсотериков и в круге их влияния, как уже, может быть, и издавна в лоне оргиастических культовых общин, — это, в применении к отдельным, отмеченным личностям, — толкуется как благодатное восхищение от земли в святые обители, как вид чудесного ἀφανισός. По-видимому, ἀρπαυμός — всегда «восхищение с телом», восхищение полного человеческого состава и притом, во всех языческих testimonia⁴³ — безвозвратное, — тогда как ἔκστασις, — временное выхождение из себя, отделение от тела. Вы же пытаетесь конструировать ἀρπαυμός, как вид экстаза, качественно специфический, но открытый человеку в его внутреннем опыте, — и, мне кажется, этой цели не достигаете. Неубедительно, что Вы приводите в ис-

⁴⁰ «В известном мифе о похищении Орифии, дочери Эреффея, представлена мощь экстаза, производимого Бореем. <...>. Во вступлении к диалогу, посвященному разным видам исступления от горнего эроса, и Платон считает нужным напомнить этот миф; устами Сократа Философ иронизирует тут над неуглубленностью мифологов, пытающихся ограничить смысл этого мифа поверхностью натуралистических объяснений. <...> Достоин внимания, что именно глагол ἀρπάζω употреблен Платоном в повествовании об этом таинственном событии <...> По своей натуралистической оболочке, Борей, как и Гарпии, есть ветер, и именно сильный северный ветер <...> И по своей натуралистической оболочке, и по своему мистическому содержанию, Борей называется «эфиро-родным»... Кажется, то же означает и имя его... Эта близость к Эфиру и сама по себе сближает Борей с Аполлоном. Но, далее, тому же сближению способствует отнесение Борей к крайнему Северу, к пределам Гиперборейским и, еще более, — приписываемое его сыновьям и дочерям жречество в святилище Аполлона на Делосе. <...> Что же касается до Орифии, то имя Ὀρειθύια <...> означает «совершающая жертвоприношение на горе» <...> Следовательно, по общему смыслу мифа, к деве, молящейся на высотах, слетело Восхищение, которое живет именно на высотах». — Флоренский, 1915, с. 42-44 и далее (А. III.).

⁴¹ Главный труд Георга Фридриха Крейцера (Creuzer, 1771-1858) — *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen* сильно критиковался за перенесение в науку веяний немецкой романтики (А. III.).

⁴² Флоренский высказал предположение, что значение этой надписи возможно понимать как «безвременное похищение» или «какой-нибудь особый переход в иную жизнь, например, в экстатическом подъеме» — Флоренский, 1915, с. 36.

⁴³ свидетельствах (лат.)

толковании мифа о Финее⁴⁴. Слова Сервия⁴⁵ не совпадают по содержанию с древнеаркадским различением трех сфер и отнюдь не свидетельствуют о старине, — как и Эвмениды — лишь поздний (сравнительно) эвфемизм о Эринниях. Аполлинийского экстаза вовсе нет: все экстатическое в круге Аполлона заимствовано из круга Дионисова и перенесено на Аполлона (как мантика, пифийство, лавры и мн. другое). Фракийская родина Борея явное доказательство его чуждости Аполлону: Фракия знает лишь экстатического, двуликого Диониса-Арея и его женский коррелят Артемиду (как определенно заявляет Геродот и что находит себе многочисленные отдельные подтверждения). Этимология «Орифии» как «жертвующей на горе» — невозможна⁴⁶: здесь $\theta\upsilon\acute{\omega}$ (откуда $\theta\upsilon\iota\acute{\omega}\varsigma$) явно имеет значение «восхищенно честной» <?> $\beta\alpha\kappa\chi\epsilon\upsilon\beta\epsilon\iota\nu$, буйно, бурно мчатся в обуянии, как «Буя» — Фиада⁴⁷. <Отмечу еще, что в тексте из Филона, приведенном на стр. 10, слова $\kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\epsilon\rho\ \omicron\iota\ \beta\alpha\kappa\chi\epsilon\upsilon\beta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\iota$... — цитата из Платона, но не оговорено.>⁴⁸

Весьма утешило меня, дорогой отец Павел Александрович, Ваше арифмософическое⁴⁹ раскрытие благоприятных знамений, почивших над моим и Володиным⁵⁰ московским местопребыванием. Обращаюсь в душе с

⁴⁴ Боги ослепили Финей и наслали на него крылатых гарпий, которые похищали и грязнили его пищу. Финей спасли от гарпий аргонавты, сыновья Борея.

Флоренский подробно излагает этот миф по версии Аполлодора и толкует его так:

«Мистический смысл этого сказания прозрачен. Во Фракии, как известно, были истоки мистических и экстатических культов. Финей, царь фракийского города, и царь именно за своей дар прорицания <...>. Он слеп <...> но слепота его, как и слепота Эдипа, Тиресия или Гомера, для него есть условие тайноведения: для вхождения в мир *иной* потребна отрешенность от мира *этого* <...> но этот насильственный дар тяготит его. Ему хочется жить, как все. Но лишь только пытается он войти в гушу обычной жизни, как восхищение овладевает им, и вестницы иного мира отнимают у него то, чем живут люди, и обезвкусивают ему радости мира сего. Лишь сыны Борея, существа родственного Гарпиям... прогоняют от вещуна его женскую экстатичность, его пассивный медиумизм». Флоренский, 1915. С. 41 (А. III.).

⁴⁵ Фиада — женщина, подобно вакханке, экстатически празднующая Диониса (А. III.).

⁴⁶ Флоренский ссылается на вариант мифа о Финее, рассказанного Сервием. (С. 40).

⁴⁷ Ср. прим. 15. Высоко оценив в начале письма истолкование Флоренским мифа об Орифии выше, Вяч. Иванов здесь не соглашается с одним из его центральных положений (А. III.).

⁴⁸ Фраза в ломаных скобках в оригинале зачеркнута (о. Андроник).

⁴⁹ Арифмософическое — неологизм Вяч. Иванова, исходящий из греческих корней «арифмос» — число и «софия» — мудрость. Флоренский в своем письме, вероятно, исходя из символики чисел, истолковывал дату и место пребывания Вяч. Иванова и В. Ф. Эрн в Москве (Эрн вместе с Вяч. Ивановым снимал квартиру на Зубовском бульваре, 25). Ср. другое «арифмософическое» толкование Флоренского: софийное стихотворение Вяч. Иванова «Покров» в «*Cor Ardens*» напечатано на 77-й странице, — «вот, кстати, один из бесчисленных примеров «странного» совпадения «случайностей»: числа 7, 77 и т. д. — числа Софии, а стихи о Ней оказываются на 77 странице!» (Флоренский. Столп... С. 801) (А. III.).

⁵⁰ Имеется в виду В. Ф. Эрн.

благожелательным приветом к Вашей супруге и сыну⁵¹. Поручаю себя Вашей дружбе и Вашим молитвам и остаюсь глубоко уважающий и любящий Вас Ваш почитатель

Вячеслав Иванов.

852.

**В. И. ИВАНОВ, В. Ф. ЭРН, В. К. ИВАНОВА И Е. Д. ВЕКИЛОВА —
о. П. А. ФЛОРЕНСКОМУ
27 ДЕКАБРЯ 1915 г.**

Дорогой
Отец Павел Александрович.

С глубокою сердечною радостью услышал я добрую весть о рождении Вашего второго сына⁵³. Друзья Ваши поздравляли друг друга с этим событием и ныне чувствуют естественную потребность принести свое поздравление милым родителям, Анне Михайловне и Вам. Гадаем, как наречете сына⁵⁴, не знаю и сам толком, отчего эта весть не просто порадовала меня или естественно заставила испытать «филически»⁵⁵ сорадование, но исполнила более глубоким волнением и умилением. Пошли Вам Господь всего светлого!

О другом событии — разумею радостную неожиданность, которою удивил и восхитил нас Сергей Николаевич⁵⁶, — я уже многое пережил. Приветствую Вас с чувством признательным и с восхищением перед Вашим правым и смелым духовным деянием.

Сетую об одном — о постоянной, длительной разлуке, о тягостном лишении — не видеть и не слышать Вас. Помните, дорогой и любимый, Вашего преданного друга и почитателя. Помните и то, что Вы мое синее море, а я рыбак на Вашем берегу; сидит рыбак на берегу и кликать не смеет золотой рыбки, — сидит себе, не кличет; не вызывает, — ждет-пождет...

Ваш сердцем и мыслию

Вяч. Иванов.

Очень нуждаюсь в прогностиках о времени и сроках «Комментария»⁵⁷. Моя трилогия, в силу особенных обстоятельств, посвящается Льву Шестову⁵⁸!

⁵¹ Имеется в виду Василий Флоренский (1911-1956), старший сын о. Павла (о. Андроник).

⁵² Конверт без штемпелей и марок, надписан «О. Павлу Флоренскому».

⁵³ Сын Флоренского родился 14 декабря 1915 г.

⁵⁴ Сына назвали Кириллом. К. П. Флоренский (ум. 9 апр. 1982), впоследствии он был учеником В. И. Вернадского, геохимиком и планетологом. См. о нем «В. И. Вернадский и семья Флоренских (материалы из архива)» // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1988. № 1-2 (о. Андроник).

⁵⁵ О значении слова *филия* см. сноску 32, с. 108.

⁵⁶ О каком событии из жизни П. Флоренского здесь идет речь, выяснить не удалось.

⁵⁷ Речь идет о комментариях к поэме Вяч. Иванова «Человек». Ср. прим. 31. А также сс. 108, 93, 109.

Счастливого Нового Года! В. И.⁵⁹

— из глубины неистово расположенного к Вам сердцем и я сорадуюсь, дорогой Павлуша, Вашей радости и душевно поздравляю Вас и Анну Михайловну с Рождеством Христовым и с рождением сына.

Преданный Вам и любящий В. Эрн.

— А я нежно целую дорогую Анну Михайловну, поздравляю ее и Вас, дорогой о. Павел, с новорожденным и ужасно мечтаю попасть в Посад.

Векил<ова,> Эрн

Дорогой отец Павел, поздравляю Вас и Анну Михайловну от всей души с радостным событием и очень радуюсь с Вами. Очень хотелось бы иметь подробности о вас всех. Поздравляю Вас с Праздником и желаю всего светлого и хорошего на Новый Год, который мне кажется таким важным и принесет много светлого и хорошего.

Вера.

960.

В. И. ИВАНОВ — о. П. А. ФЛОРЕНСКОМУ.

12 ИЮЛЯ 1917 Г.

СОЧИ, 12 ИЮЛЯ.

Посылаю Вам, дорогой друг, глубоко чтимый отец Павел, свою страничку в столь счастливо задуманный Вами первый сборник памяти нашего почившего Друга⁶¹.

⁵⁸ «Особенные обстоятельства», при которых состоялось посвящение поэмы критику и философу Л. Шестову (1866-1938), Вяч. Иванов раскрыл в издании «Человека» в 1939 г.: Шестов, «услышав первоначальные стихи «Человека», определил орбиту мистического цикла произнесенными на память словами св. Августина» — III, с. 195. Как сообщает О. Дешарт со слов Вяч. Иванова, «сказав на память слова св. Августина, Шестов добавил: «А за мою догадку посвятите мне «Человека». В. И. несколько растерялся: ему вовсе не хотелось соглашаться на такое предложение, но он не решился отказать» — III, с. 738.

Духовные и идеологические позиции Вяч. Иванова были в достаточной мере далеки от позиции русского экзистенциалиста Шестова. Ср. комментарии Дешарт там же, с. 737. (А. Ш.)

⁵⁹ Приписано Вяч. Ивановым на полях и внизу страницы (о. Андроник).

⁶⁰ На конверте рукой Вяч. Иванова надпись: «**Заказное. Троице-Сергиев Посад. Отцу Павлу Александровичу Флоренскому, профессору Духовной Академии. Отпр. Ив. Иванов Сочи (Черномор. губ., «Светлана») «Рукой Флоренского: «Получ. 1917.VII.21».**

Почтовые штемпели: Сочи 1-е гор. Черном. 14.VII.; Москва, № 8.1(?), экспедиция. 20.7.17 и Сергиевский Посад Моск. г. 21.7.17. (о. Андроник).

⁶¹ Имеется в виду предполагавшийся к изданию сборник памяти Эрна (1882-29 апр. 1917, даты жизни и смерти в «Философской энциклопедии», т. 5 (М., 1970, С. 569) ошибочны), с которым Вяч. Иванова и Флоренского связывали узы глубокой дружбы. Вяч. Иванов посылает «страничку» для задуманного Флоренским сборника памяти Эрна (издание не осуществилось). Вот ее черновик

Памяти Вл. Ф. Эрна

I

Блаженный Брат! Ты чистым оком зреть
В представшей вновь [вновь узнанной] души

Благодарю Вас вместе с тем за многосодержательные и утешные строки, а равно за присылку ценных для меня оттисков Ваших новых статей. Ваш

<?> твоей Отчизне
Достоин все, что помнил в этой жизни, —
Огнем безгневным в Царстве Слав гореть.

Оратай был до жатвы умереть
Любовию предызбран... Укоризне
Не вырваться из уст на светлой тризне!..
Там, где «мы вместе были», — друга встретить!
Пусть малый дар нам, нищим, был отмерен
Из [таин] всех богатств, что [ты унес туда] в путь ты взял с собой,
Куда твой взор стремился голубой.

И в неземном Земле ты будешь верен;
И, горней Афродиты видя Лик,
Вспомнешь колос, что в пыли поник.

Сочи, май 1917.

II

Нижеследующее <так! — А. Ш.> стихотворение было мною написано, когда я жил с другом Эрном, и ему первому прочтено, ибо в тайне оно было посвящено ему. Сладость и свет духовного сним общения — таков был сокровенный замысел этих строк. Какое-то целомудренное чувство [запретило] воспрепятствовало мне признаться, что я говорю о нем; думается, он молчаливо учуял это сам. Впоследствии это стихотворение было введено мною во второй цикл моей [неизданной] лирической трилогии «Человек». — Итак, я приношу эти строки памяти почившего друга потому, что они принадлежат ему и им внушены. Пусть будут они, в ряду заветных воспоминаний, сплетающихся в надгробный венок, возлагаемый дружбою на его могилу, свидетельством одного из друзей о внутреннем опыте того очищения, которое производилось его близостью. Нередко, взглянув на него, сидящего молча, я должен был скрывать внезапно охватившее душу непередаваемое волнение, готовое излиться в счастливых слезах: мнилось, что из его глаз глядели другие, Образ и Подobie Божие в нем сквозили из-за внешних черт несказанным светом [душою овладевали волнение и трепет], душа трепетала и горело сердце [ощущением благодатного присутствия...]. В глубине моей любви к молодому другу, пленяющему меня величием духа, чистотою голубиной души и орлиною зоркостью вперенных в Солнце высоких дум, таилось благоговение к нему, как носителю иного, нового Имени. <...>

(Черновой автограф в РГБ ф. 109-3-40; квадратными скобками отмечены зачеркнутые слова).

Вяч. Ивановым посвящены Эрну также стихотворения «Свершается Церковь, когда...» (III, с. 215-216 — см. прим. 28 к письму б), «Оправданные» 12 ноября 1917 г. — (III, с. 524-525) и «Скорбный рассказ» 14 ноября 1917) — (III, с. 524),

Флоренский учился в одном классе с Эрном и А. В. Ельчаниновым во Второй тифлисской гимназии. В написанной для посвященного Эрну сборника статей Флоренский вспоминал: «Мы вместе бродили по лесам и по скалам, по скалам преимущественно, вместе читали Платона на горных проталинах и на разогретых солнцем каменных уступах. Вместе же ценили благородный пафос кн. С. Н. Трубецкого и острую критичность Л. М. Лопатина <...>» В статье Флоренский рассказывает о том, как он увидел всю жизнь Эрна в «ряде ярких, почти как сновидение, образов, быстро проносящихся видений», которые «развертывались как лента жизни». Это видение — оно раскрывало мистическое значение смерти Эрна — посетило о. Павла 29 апреля, а вечером того же дня о. Павел получил телеграмму о смерти своего друга (Флоренский. Памяти В. Ф. Эрна // Христианская мысль. 1917. № 11-12; Вестник РХД. № 138. С. 99). (А. Ш.).

намек на то, что на путях духа мы ныне скорее сближаемся, нежели расходимся, — как, признаюсь, мне порою казалось, — пробудил во мне прекрасные надежды. На призыв Ваш к общему деятельному усилию в целях некоей духовной миссии *inter paganos*⁶² — я, конечно, отвечаю: Аминь. Но как рисуется Вам ее житейская реализация, из имеющихся у меня неопределенных данных уразуметь не могу⁶³.

В Москве надеюсь быть в августе. Политическая часть Вашей парадоксальной статьи о Хомякове ставит меня прямо в тупик. Что именно Вы имеете в виду, при Вашей дальновидности? Вероятно, Вы с свое время читали один мой фельетон о славянофилах; если так, Вы знаете, что я прямо противоположную оценку даю государственно-правовой теории Хомякова. Прибавлю, что вижу в ней пророчественное предостережение старой власти, провозглашение альтернативы: или трансцендентизм по отношению к народу и неминуемую гибель, или последовательно проведенный имманентизм, как воспитание к свободе. И вот, наша несчастная родина почти гибнет от того, что пророки втуне пророчествовали. Что же значит из *Ваших* уст столь несвоевременно, по всем человеческим видимостям, брошенный укор — тем, которые вовремя выступали с наставлением спасительным?⁶⁴

⁶² среди язычников (лат.)

⁶³ См. прим. 72 к письму 10.

⁶⁴ Под «политической частью» статьи Флоренского «Около Хомякова» (Богословские труды. 1916. Июль-авг., есть отд. изд.) имеется в виду его полемика с Хомяковым о природе царской власти в России (или, говоря иными словами, о его государственно-правовой теории): она основана на «Божием изволении», и «от Бога учинена суть», или есть результат договора с народом, «социального контракта»? Флоренский, споря с Хомяковым, утверждает здесь, что «в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт... относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры...» — Флоренский; указ. соч., с. 25-26.

О природе власти в России в мысли славянофилов Вяч. Иванов писал в 1915 г. в статье «Живое предание» — именно на нее он указывает здесь Флоренскому: «славянофилы» «положили в основу своего государственного права не феодальный... а римский принцип — принцип «депозиции» народной воли в руки лица или лиц», призванных ко власти. Другими словами, они видели в монархии монархически самоопределившееся народоправство». Далее в статье Вяч. Иванова слышится критика русской царской власти, которая, отвергая принцип имманентизма — исходящего из внутреннего строя и души народа и земли, — навязывает народу чуждый ей трансцендентизм — то есть наложение извне идей и форм: «в ныне заканчивающийся петербургский период нашей истории... государственная власть, как это живо чувствовали славянофилы, пыталась самоутвердиться по отношению к земле трансцендентно» (III, 346). Еще более резко высказывался о русском самодержавии Вяч. Иванов в статье, написанной 6 октября 1917 г., называя его «по существу династическою диктатурой в стране, где основы общественного уклада рухнули, где все шаталось и было временным, переходным, ползучим, как полужастывшая лава» (III, 359). Не менее определенно высказывается Вяч. Иванов и в ком-

Вы понимаете, что Вашу статью о Хомякове я прочел с жадностью, но уже без огорчения первоначального, а лишь с глубочайшим недоумением. Прибавлю, что выходка Бердяева привела меня, — при всем моем протесте

ментиреуемом письме: «трансцендентизм», осуществлявшийся старой царской властью, привел ее — согласно с пророческим предостережением Хомякова — к неминуемой гибели.

Мысли Флоренского о русском самодержавии вызвали полемику в периодической печати в ноябре 1916 — феврале 1917 гг., в которой с разных сторон принимали участия Розанов В. В. // «Колокол», № 3118, (14 окт.), № 3125, (22 дек.); Устрялов Н. // «Утро России», 1917, № 40, (9 февр.); № 46, (15 февр.); Фиолетов Н. // Там же. № 43, (12 февраля); <Анон.> «Обозреватель» // Моск. ведомости. 1917, № 33, (10 февр.); Бердяев Н. (см. ниже прим. 4). На статью Устрялова Вяч. Иванов написал ответ, оставшийся в рукописи. Вот он:

*Ответ автору статьи
«Славянофильство и самодержавие»
(«Утро России», № 40)*

В статье «Славянофильство и Самодержавие» Н. П. Устрялов приглашает меня и двух моих друзей, в качестве «нео-славянофилов», высказаться по поводу нескольких замечаний «нео-славянофила» о. П. Флоренского о религиозном отношении к царской власти в его брошюре «Около Хомякова», которой, к сожалению, я еще не имел в руках.

«По такому вопросу, — пишет г. Устрялов, — нельзя молчать, особенно теперь. Пусть «школа» или осудит Флоренского, или разделит с ним ответственность за его выступление».

Замечу, что именно о хомяковской теории народного суверенитета, послужившей яблоком раздора, я обстоятельно высказывался два года назад («Биржевые ведомости», от 18 марта 1915 г.) в статье «Живое Предание», включенной мною и в сборник моих общественно-идеологических этюдов, имеющих вскоре выйти в свет в издательстве гг. Лемана и Сахарова под заглавием «Родное и Вселенское».

Об «осуждении» общего нашего друга, как с моей стороны, так (я твердо в этом уверен) и со стороны обоих моих друзей, не может быть никакой речи. Я достоверно знаю, что все, что говорит о. Флоренский о предметах веры, проистекает из глубин чистого внутреннего опыта, и, хотя бы высказанное им представлялось мне высказанным несовершенным и неправильно, с уважением склоняюсь перед самим источником того мнения, коего не разделяю.

Что же до «ответственности», падающей на «школу», это ведь, если критике заблагорассудилось объединить нескольких писателей под определенным наименованием, это не значит, что сами они взаимно связали себя круговой порукой. Навязывать же такую идущим самостоятельными путями мыслителям, коих радуют встречи [друг с другом], но и расхождения не пугают и не разделяют, — не значит ли стеснять свободу мысли и ее исповедание? Если же Линнеи нашей идеологической флоры усмотрят промах в принятой ими классификации, которая для самой флоры безразлична, — ничто не мешает им заняться на досуге перегруппировкою и ревизией номенклатуры изучаемых ими явлений религиозно-общественной мысли.

*Сочи, 21 февраля 1917.
Вячеслав Иванов.*

Автограф — РГАЛИ, ф. 1720 (Звягинцева), оп. I, ед. хр. 339, л. 1-2 (А. Ш.)

против сказанного Вами, — в истинное негодование⁶⁵. С нетерпением жду свидания. Tempora mutantur⁶⁶: может быть, теперь Вы могли бы почувствовать себя расположенным написать комментарий к моему «Человеку». Имею нескромность высказать, что я еще не вовсе расстался с этой мечтой. Без Вас не знаю, что мне делать с уснувшей царевной — моей бедной поэмой.

С любовью к Вам и Вашим

Вяч. Иванов

10.67

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. И. ИВАНОВУ.

1 МАРТА 1918 Г.

⁶⁵ Н. Бердяев в журнале «Русская мысль» (1917, февраль) выступил с необыкновенно полемической по тону статьей «Идеи и жизнь. А. С. Хомяков и свящ. П. А. Флоренский». Критика Бердяева в известной мере совпадает с идеями Вяч. Иванова: «Отец П. Флоренский открывает в Хомякове опасный уклон к имманентизму. Но этой есть в нем уклон к религиозной свободе, не до конца доведенный. Трансцендентизм же есть религия необходимости. Великая духовная реформа, которая нужна России как спасение и в ее церковной, и в ее государственной жизни, и будет углубленным переходом к имманентизму, к радикальному сознанию творческого призвания и господского достоинства человека. <...>»

Бердяев не может согласиться с Флоренским, что царская власть в России имеет божественное происхождение: «Отец П. Флоренский, вероятно, не сознает, как страшно ответственны эти мысли в тот исторический час, который переживает Россия. В нем слишком чувствуется эстетическое любование собственным «черносотенным» радикализмом, не удовлетворяющимся самодержавием славянофилов» (Бердяев Н. Собр. соч. Париж, 1989, Т. 3. С. 574-576).

Что в статье Бердяева привело в «негодование» Вяч. Иванова — это резкость, переходящая в оскорбительные выпады: по Бердяеву, статья Флоренского — «настоящий скандал в православном, славянофильствующем лагере», Флоренский «не верен традициям великой русской литературы, он отвращается от ее религиозного содержания, от раскрывшейся в ней религиозной жажды. Он, именно он — отщепенец, изменивший заветам русской религиозной души». «отношение отца П. Флоренского к Церкви есть отношение раба, полного страха и ужасов, «в отце П. Флоренском нет никаких признаков чувства достоинства человека как господина, а не раба», «Торжество отца П. Флоренского было бы крахом русской идеи, которую она призвана нести в мир» (Цит. соч. С. 567-579).

Об истории взаимоотношений Бердяева и Вяч. Иванова см. в статье А. Шишкина *Le banquet platonicien et souffi dans la Tour pétersbourgeoise: N. Berdiaev et V. Ivanov Cahiers du Mon le Russe. V: XXXV (1-2); 1994 (А. III.)*

⁶⁶ Времена меняются — первая часть известной латинской пословицы: «времена меняются и мы вместе с ними» (А. III.).

⁶⁷ Автограф в РГБ, 109, 35, 76.

По свидетельству книги пророка Даниила (глава 10 и далее), Ангел Господень Михаил — ангел-покровитель народа Божьего — вступает в борьбу с Князем царства Персидского. Князь — покровитель враждебных Израилю народов. Этот таинственный конфликт — как утверждает одно из библейских толкований — показывает, что даже Ангелам судьбы народов неизвестны, пока Господь не откроет их. Как отметил С. С. Аверинцев (Ангелы // Богословские труды. 1986. № 27. С. 327), этот текст вдохно-

+

Дорогой и глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович!

Простите, что второпях, по случаю отъезда С. А. Сидорова⁶⁸, пишу Вам.

Об Ангелах-народоблюстителях основные тексты: Даниил: X-XII гл., ср. Дан<иил> IV: 10, 14, 21 — об ангелах неусыпающих, в каковых видят именно ангелов-народохранителей⁶⁹.

вил Вяч. Иванова на следующие строки написанного в самом начале первой мировой войны (18 ноября 1914) стихотворение «Суд»:

На Суд, где свидетели — Громы,
Меч острый — в устах Судии,
Народные Ангелы в споре
Сошлись о вселенском просторе.
Чей якорь в незыблемом море,
В Софийном лежит Бытии? (IV, с. 23).

Через несколько недель после Октябрьской революции, 18 ноября 1917 г., размышляя о трагедии России, Вяч. Иванов вновь обращается к символу-образу народного ангела:

На суде пред Божиим Престолом
Встал наш ангел и винил соседа:
«Раскололась вся земля расколом.
И досталась ангелу победа.
На суде пред Божиим Престолом».

Но лишь громы прорекли: «Победа!»
Разодрал он с ворота до низу
На себе сияющую ризу
И взмолился: «Пощади» к Престолу,
И раздралась плоть отчизны долу. (IV, с. 66).

Видимо, вслед за стихотворением Вяч. Иванов начал писать его толкование под названием «Раздранная риза» (неоконченный черновой автограф в Римском архиве Вяч. Иванова), для которого попросил дополнительные сведения у о. П. А. Флоренского. Об интересе о. Павла к этой проблематике свидетельствуют, в частности, неизданная рукописная работа святителя Игнатия (Брянчанинова) «Слово о Ангелах», которая хранилась в архиве Флоренского (издана в Богословских Трудах. 1990. № 30). В 1924 г. Флоренский, между прочим, писал: «От рода... сравнительно легкий переход, по крайней мере в мысли, к племени, к народу, к государству, к расе, наконец, к целому человечеству, конкретное единство которого было понятно и почувствовано в опыте почти мистическом, вопреки рассудочному складу всего мышления, Огюстом Конттом. Все эти сущности, простираясь четырехмерно, имеют каждая свою форму, свой целостный облик, и в явлении он воспринимается как гений или как ангел-хранитель племени, народа, государства, расы и всего человечества» (Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М. 1993. С. 216).

Публикуемое письмо является кратким ответом Флоренского.

⁶⁸ О С. А. Сидорове см. сс. 126.

⁶⁹ Ср. «Вот еще что мы напомним знанию твоему о иерархии: как Фараону через Ангела, поставленного над Египтянами, так и Начальствующему Вавилонян, через собственного его ангела, забота и власть Промысла, и вселенского Владычества были возвещены через видения, и этим народам были дарованы последователи истинного Бога,

Смотрите также Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», 9, § 4.

Дан.<ийл> II 2, ср. Иер.<емия> 49: 36, Захар.<ия> VI: 5 — о четырех ветрах, или четырех духах, в коих толкователи видят опять-таки Ангелов царств.

Во Второзак.<онии> XXXII 8-9, по переводу LXX (и славян).

(«по числу сынов Израилевых» переводится чрез: «по числу Ангел Божиих» Твоих. <?>

Сир<ах> XVII 14-15.

Православн<ое> Исповед<ание> Кафол<ической> и Апостольской Восточной Церкви вопрос <?> на стр. 19, стр. 16⁷⁰.

Григорий Богослов — Слово 6 об ум<ной> сущн<ости> (Твор<ения> Свв. от<цов>, т. 4, стр. 236)⁷¹.

Бл<аженный> Иероним, на Даниила.

Вновь <?> требуется скорее кончить письмо.

Относительно статьи я ничего не придумал, но выражаю свое согласие — разумею серию, о которой Вы говорили⁷². Когда придумаю, напишу, а лекции все время мешают.

Господь да хранит Вас и всех ваших.

Любящий Вас

Священник Павел Флоренский.
1918. III Серг<иев> Пос<ад>

которым было повелено открыть им смысл их видений, каковые были посланы начальствующим их, через Ангелов своих, так как Бог прежде того открыл через посредство ангелов святым мужам Даниилу и Иосифу по природе своей близким к Ангелам. <...> Единое вселенское Провидение Всевышнего, имея попечение о благоденствии всех народов [передало] их, чтобы помочь их возвышению, в руки их собственных ангелов... (...) Народы [обращаются] к одному из святых Ангелов, дабы научиться постигать, через его посредство, Всеобщее первоначало существ. Слово Божие говорит... что все Ангелы, предопределенные для каждого народа, в той мере, насколько это в их возможности, возносят к этому Провидению как к их собственному первоначалу, всех тех, кто им свободно следуют». (Denys l'Aréopagite La Hiérarchie Céleste (Sources Chrétiennes n. 58 bis), Paris, 1970, p. 136-138. Ср.: Св. Дионисия Ареопагита о небесной иерархии. М., 1843. С. 41-42).

⁷⁰ Вопрос 19 «Православного исповедания...» Митрополита Петра Могилы (Киев, 1833. С. 20): «Поелику Бог сотворил прежде всего Ангелов, то какие должны мы иметь о них понятие?»

Ответ: и «Ангелы суть духи, приведенные от Бога из небытия в бытие для того, чтобы они прославляли Его, служали Ему и, кроме того, служили в сем мире людям, путеводя их в Царствие Божие. Они даются еще для сохранения городов, царств, областей, монастырей, церквей и людей как церковных, так и мирских».

⁷¹ См.: Творения бл. Иеронима Стридонского. Ч. 12. Киев, 1913. (Библиотека творений Св. Отцев и Учителей Церкви Западных, издаваемая при Киевской Духовной Академии, 2-е изд.).

⁷² Возможно, речь идет о каком-то проекте совместного издания книг философско-религиозного характера. Несколькими месяцами позже А. Ф. Лосев извещал П. А. Флоренского в письме от 24 марта 1918 года: «Ваше Высокоблагословение о. Павел! С. Н. Булгаков и В. И. Иванов говорили Вам о готовящейся серии религиозно-философских книжек на темы о русской национальности» (П. А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева // Контекст. 1990. М., 1990. С. 13).